

Стенгазета «ОРГАНИКУМ» (специальный выпуск)

К 60-летию победы в Великой Отечественной войне (Детские воспоминания о войне сотрудников химического факультета)

Ростовский государственный университет

Химический факультет

Апрель 2005 г

Победа у наших стоит дверей...
 Как гостью желанную встретим?
 Пусть женщины выше поднимут детей,
 Спасенных от тысячи тысяч смертей,-
 Так мы долгожданной ответим.

А. Ахматова
 1942-1945

Воспоминания о Великой Отечественной войне

Наверно лучшее, чем можно сейчас отметить 60-летие Победы в Великой Отечественной Войне – это рассказы тех, кто о ней еще что-то помнит. К сожалению, на факультете уже не осталось непосредственных участников сражений. Но есть сотрудники, у которых Война пришлась на детство. Одним из них в начале 1940-х было 10-12 лет, другим – 3-4 года. Естественно, что воспоминания более старших получились содержательнее и конкретнее. Но в любом случае все они вряд ли кого-то оставят равнодушным. Они отражают драматизм тех лет и судьбоносность событий, как в жизни страны, так и каждого человека, в особенности ребенка. Женщины - матери, бабушки, тети и сестры сыграли решающую роль в сохранении детей в эти нелегкие годы, и это здесь наглядно показано.

В соответствии с возрастным критерием рассказчиков мы и приводим здесь их воспоминания. Эти же материалы вы можете прочесть на сайте www.chimfak.rsu.ru

Николай Кондратьевич Чуб (род. 22.05.1930):

Утром 22 июня 1941 года я проснулся и услышал женский плач. Началась война и в первый же день многие мужчины нашего зерносовхоза «Гигант», что в Сальском районе Ростовской области, получили повестки. Мой отец работал в совхозе механиком. У него были золотые руки и, чтобы не потерять ценного специалиста, ему дали бронь. Вскоре фронт стал приближаться и директор по фамилии Девичинский, зная отношение немцев к евреям, решил уйти на восток. Отец отвез его на машине куда-то в район Сталинграда и вернулся. В середине 1942 года бронь с отца сняли и призвали в действующую армию. Здесь он служил водителем у командного состава. Где-то под Сталинградом их машину,

ехавшую в поле, заметили немецкие летчики. Находившиеся в автомобиле офицеры успели спрятаться в кювете, а отец замешкался и погиб.

Запомнилось, как летом 1942 в течение нескольких дней через совхоз отступали наши солдаты. Отступали неорганизованно, потные, грязные и голодные, в их глазах были страх и паника. Население их кормило, чем могло. Было чувство боли. Как же так: перед войной по радио говорили: «уничтожим врага на его территории». Немцы без боев вошли в совхоз. Помню, как сидя на танке под гармонь, они распевали нашу «Катюшу». Обосновавшись, оккупанты выселили из бараков жителей, стали вычищать курятники, забрали скот. Мы лишились телят и коровы. Выжить помогли два мешка зерна, которое начальство совхоза перед приходом немцев разрешило забрать из зернохранилища. Жили мы, как и большинство колхозников, в землянке. В нашей же комнате поселился немец, заставлявший мать чистить ему сапоги. У немцев я впервые увидел такую по тем временам экзотику как маргарин и плавленый сырок.

Война – страшное и неприглядное дело. Однажды я проснулся и услышал отдаленный гул выстрелов. Оказалось, что это немцы уничтожали одну из наших частей, которая, отступая, заблудилась в районе деревни. Я участвовал в захоронении останков наших солдат, части их тел снимали с деревьев. Некоторые из убитых имели при себе документы. Жители их спасли и после войны письмами оповестили родственников. Раненым или ушедшим от расправы бойцам жители давали еду, гражданскую одежду и указывали путь, по которому надо уходить. Случалось, что немцы натыкались на таких переодетых бойцов и тогда жители говорили, что это солдаты, сбежавшие из советской армии. Немцы обычно верили и махали рукой.

Перед приходом немцев большинство коммунистов и евреев ушло из совхоза. Но те, кто остался, вели себя по-разному. Так, секретарь парторганизации совхоза, тщедушный человек по фамилии Бублик (любопытная деталь - на его груди была большая татуировка Ленина и Сталина в профиль) стал работать на немцев, возглавив полицию. В его отряде было человек 40 таких же, как он. Они расстреляли немало наших беглых солдат. После войны многих полицаяв настигла заслуженная кара. Сам же Бублик ушел с немцами, где-то потерял обе ноги и вернулся в совхоз инвалидом. Трогать его не стали, посчитали, что жизнь уже и так наказала его.

По мере успехов Советской Армии, спесь с немцев исчезала, вид у них стал запуганный и жалкий и в начале 1943 года они без боев бежали.

Михаил Михайлович Евстифеев (род. 20.06.1930):

Во время войны с сентября 1942 по 1944 год мы жили при военном госпитале. Он располагался на углу Красноармейской и Буденовского в помещении глазной клиники профессора Орлова (сейчас горбольница № 8). Мама была медиком и работала там вольнонаемной. Вначале раненные поступали к нам после первичной обработки. Когда фронт подошел к Ростову, участились бомбежки, стали прибывать необработанные раненные и обожженные бойцы. Особенно страшны ожоги. Меня поражало то, что ожоговым больным делали обезболивающие уколы, оставляя ожоги без обработки. Только позже я узнал, что больные с большой площадью поражения кожи были обречены. Им только снимали боль.

Когда в декабре 1941 года советские войска оставили Ростов, в госпитале осталось много раненных. Мы остались на оккупированной немцами территории. Коллектив медиков, состоявший из одних вольнонаемных женщин, возглавила Алферьева Елена Яковлевна, красивая, великолепно образованная, выпускница Екатерининского института благородных девиц для дворянских сирот. Уже после Октябрьской революции она закончила медицинский институт. Только ее выдержка, умение руководить людьми и не теряться в критических ситуациях спасли раненных и сотрудников госпиталя во время оккупации.

Когда советские войска отступали из Ростова, они забрали всех лошадей, которые были приписаны к госпиталю, но не увезли с собой фуражный ячмень, запасенный для них. Этот ячмень и был основной пищей для обитателей госпиталя. Я на самодельной мельничке молот это зерно и потом из него варили кашу.

Как удалось спасти раненных? Табличку с надписью «Госпиталь» сняли, а надпись «Глазная клиника профессора Орлова» оставили. Когда в госпиталь приходили немцы, их встречала Елена Яковлевна в белоснежном халате, высоком медицинском колпаке и обращалась к посетителям на великолепном французском, который они, как правило, не понимали. Затем, словно спохватившись, переходила на чистейший немецкий (я неоднократно наблюдал такие сценки). Объясняла, что это больница для мирного населения, предлагала экскурсию по ней. Приводила к инфекционному отделению, приглашала немцев зайти. Они отказывались (в Ростове были случаи тифа). А как раз в инфекционном отделении содержались все раненные красноармейцы. В нашем госпитале за всю войну был только один случай тифа – у меня. Мне отгородили закуток, в котором меня выхаживала моя бабушка.

Когда после оккупации Елену Яковлевну обвинили в сотрудничестве с оккупантами, на ее защиту встали пациенты «инфекционного отделения», и среди них

одноногий военный комиссар, еврей по национальности. Ей удалось спасти красноармейцев, оставленных в госпитале во время отступления советских войск.

Самое страшное на войне – не бомбежки (это страшно, но кратковременно, минут 20-30), а постоянный непреходящий голод. И понимание того, что завтра также нечего будет есть.

В 1942 году мне исполнилось 12 лет. Самый любопытный и непоседливый возраст. Мы всюду успевали побывать, многое увидеть. Помню расстреляных в 1941 году детей и женщин, жителей дома напротив парка Вити Черевичкина. Их расстреляли, как пособников партизан, хотя никаких партизан там не было. Просто группа советских разведчиков напоролась в этом районе на немецкий патруль. Отстреливаясь, они ушли за Дон, а немцы провели карательную акцию.

На Театральной площади в сентябре 1942 г. я наблюдал смотр двух казачьих сотен, который принимал, как оказалось, атаман Шкуро, перешедший на сторону немцев. Видел колонны евреев, которые шли по улице Энгельса (ныне Б. Садовая) в сторону вокзала, конвоируемые полицейскими. Там их сажали в теплушки и везли (как мы потом узнали) в Змеевскую балку, что за нынешним Зоопарком.

Я видел колонну власовцев, проходившую по Красноармейской, одетых в немецкую форму, но в меховых шапках-ушанках. В отличие от немцев, которые ходили в пилотках. Были также итальянцы, румыны, венгры, словаки.

В феврале 1943 года, когда началось освобождение Ростова, наши наступали от Батайска. Оттуда же везли продовольствие, которое на станции Батайск бросили немцы. Тогда я впервые попробовал немецкий хлеб, упакованный в целлофан. Машины с продовольствием шли по обледенелому Соляному спуску с открытыми дверцами, чтобы в случае аварии, водитель мог выскочить.

9 мая 1945 года я наблюдал салют, который давали пушки Ростовского артиллерийского училища (РАУ) на Комсомольской площади. А 14 мая меня поразил дикий, звериный крик из квартиры соседей: через пять дней после окончания войны эта семья получила похоронку на мужа и отца.

Валентин Петрович Григорьев (род.7.07.1931)

Война застала нашу семью врасплох. Накануне, моего отца Григорьева Петра Григорьевича - главного инженера Ростовского химического завода, срочно мобилизовали в армию. Меня же 15 июня на летние каникулы отправили в гости к тете в Воронеж. В Ростове оставались мама и брат Юра пяти лет.

22 июня – как гром среди ясного неба. Первое, что сделала мама, Попова Лидия Мстиславовна, - попытаться вернуть меня в Ростов. В эти дни уже практически прекратилось движение пассажирских поездов, шли воинские эшелоны. Вернуть меня десятилетнего в Ростов обычным путем не было никакой возможности. Только благодаря начальнику вокзала г. Воронеж Зелову (имя помню до сих пор!) меня зайцем с воинским эшелоном привезли в Ростов.

Обе оккупации, осенью 1941 и с лета 1942 по февраль 1943 г, я с мамой и братом находился в Ростове. С началом войны в городе объявили ночную маскировку и стали готовиться к боям. Мы жили на улице Пушкинской (угол Семашко). Каждый день жители этих домов выходили на Пушкинский бульвар и рыли траншеи, в которых надо было укрываться во время бомбардировки города. В школе и днем с братом, как и все ученики, я оклеивал окна газетами, чтобы избежать осколочных (от разбитого стекла) ранений при обстреле города. Я учился в 3 классе, и у нас были созданы «боевые отряды» помощи фронту. После занятий мы всем классом ходили по домам и просили сдать нам любые медные изделия, необходимые для литья пуль. Люди с пониманием относились к просьбам, и ежедневно сдавали несколько килограммов меди на сборный пункт. При этом, конечно, помимо помощи фронту, так сказать, законными средствами, мы тайком свинчивали медные дверные ручки, как у себя, так и у чужих людей на уличных дверях.

Следующими нашими походами были коллективные посещения домов для сбора теплых вещей красноармейцам. Много усилий тратили на сбор пустых бутылок, которые, как нам говорили, будут заполнять горючими смесями для борьбы с немецкими танками. Все ребята горели желанием любой ценой помочь стране в этой войне. В нашем классе была создана бригада, которая ходила по госпиталям (например, на углу Газетного и Пушкинской – он и сейчас там), где читали стихи (главным образом, из школьной программы – но все равно с успехом!), пели песни, читали домашние письма красноармейцев. Все это, как бы одна сторона военной жизни города, и касалась она, прежде всего, школьников, пока не было оккупации города.

С началом оккупации жизнь резко изменилась. Особенно тяжелой была вторая оккупация. Мы с мамой пытались бежать из города. Но для этого надо было заплатить большую сумму лодочникам, чтобы перевезли на левый берег Дона. Денег не было, и мы остались в Ростове. Это были очень тяжелые дни города: темные, засыпанные обломками обгоревших и разбомбленных домов, отсутствие воды, течь канализации и т.д. Во время летних 1942 года боев жильцы нашего дома (12 семейств, одни дети и женщины) спускались в подвал дома и там сутками пересидывали стрельбу и бомбежки. Взрослых мужчин среди них не было – все были призваны на фронт. Изредка с фронта приходили

письма, которые читали в каждой квартире под слезы присутствующих. Потом пошли похоронки. Отец мой был убит под Москвой (г. Истра) осенью 1941 года.

Самое страшное, что надвигалось на каждую семью – голод. Купить на базаре ничего нельзя – советские деньги не в ходу, немецких марок ни у кого не было. Единственное, чем какое-то время еще держались люди – это обмен вещей на продукты. Из города тянулись цепочки людей с детскими колясками, тележками с оставшимися вещами, чтобы на селе их как-нибудь поменять на продукты.

Мама после войны сказала мне с братом, что она не раз собиралась уйти в другой мир, но мысль, что утром встанут двое голодных и никому не нужных детей, и последующая их возможная трагическая судьба решительно отбивала у нее мысли о смерти. Так что мама мне с братом дважды подарила жизнь.

Между тем, к началу осени 1942 года немцы усилили свою агрессивность по отношению к населению. Неподалеку от нашего дома фашисты организовали пункт для сбора еврейского населения с целью, как они говорили, переселения на другое место жительства. Все мы знали, что это за место. Люди стояли и плакали (и русские, и евреи) от бессилия и ненависти. На углу Пушкинской и Ворошиловского проспекта фашисты организовали другой сборный пункт, где собирали молодое трудоспособное население Ростова для отправки в Германию на работы.

Все эти ужасные картины мне никогда не забыть, и они навсегда останутся в моей памяти.

Особенно тяжело стало ближе к зиме 1942-1943 года. К этому времени фашисты были разгромлены под Сталинградом, и началось их отступление, в том числе и через Ростов. Отступление фашистов шло с тяжелыми боями, и уже никакие уличные щели не могли спасти население. Жители нашего и близких к нему домов уходили жить в подzemелье, которое было выкопано со стороны Семашко (напротив нынешнего института административных кадров) и уходило глубоко под землю, заканчиваясь в парке им. Горького. В этом подzemелье сидели сотни людей без воды и света, в грязи и духоте. Я там с мамой и братом провел не одну неделю. Как мы там выжили – удивляюсь по сей день. При артобстреле стыки этого подzemелья дрожали, с них сыпалась земля... и тем не менее, выжили. Все-таки есть Бог на земле!

В январе 1943 года через Ростов шли оборванные, потрепанные, завязанные женскими шарфами и платками, в навороченной тряпками обуви остатки фашистских армий из под Сталинграда!

Уходя из Ростова фашистские подонки не могли отказать себе в «удовольствии» еще раз добавить боли жителям, а главное, детям г. Ростова. Немецкие летчики и

оставшиеся провокаторы разбросали яркие детские игрушки (бабочки, трубки и т.д.), начиненные минами. Когда ребенок брал такую «игрушку», она взрывалась, и ребенок в лучшем случае оставался инвалидом. Такая «детская площадка» была создана в парке Горького (где теперь ресторан с водным бассейном).

Много можно было бы рассказывать и о последующих днях военных лет в Ростове. Хотелось бы вспомнить в конце, как отметил наш дом 9 мая – день Великой Победы в 1945 году. Сейчас мы торжественно поем о дне Победы как «празднике со слезами на глазах». Так сегодня. Но тогда, 60 лет тому назад, в нашем доме (да только ли в нашем?!) это выглядело иначе. Как только объявили о победе, все жители нашего дома собрались в одной квартире. Раздалось «Ура». Оно длилось 20-30 секунд, а потом пошли рыдания и истерики до утра. В нашем доме каждая семья кого-то потеряла на войне. В доме мужиков не осталось!

Через несколько дней после освобождения Ростова начали работать школы. Заканчивал я школу в 1949 году, в моем классе было 16 человек (все мальчики), которые фактически пришли в него в 1943 году. Очень сильна была тяга к учебе. В будущем из этих 16 человек, в частности:

1. Крупнейший химик Дорофеенко Г.Н.
2. Известный кинорежиссер Аксенов В.Е.
3. Зам. президента Кольского ФАН СССР Ведерников Н.Н.
4. Известный писатель Шестаков П.
5. Известный геолог Карнаузов Игорь
6. Известный физик Стецюра Г.
7. Известный хирург Мелехов Ю.

И сегодня в канун 60-летия разгрома фашизма глубокий поклон и вечная благодарность всем, кто способствовал Великой Победе.

Александр Дмитриевич Гарновский (род. 30.08.1932)

Я родился в августе 1932 года в самом элитном для того времени ростовском крайкомовском доме на углу улицы Энгельса и Малого (Чеховского) переулка. В этом доме кроме нашей семьи жили крупные областные политические деятели Ларин и Пивоваров, директор завода «Ростсельмаш» Глебов-Авилов и другие начальники. Моим родным городом Ростов-на-Дону стал случайно – отец, как и другие партийные деятели ленинской-сталинской эпохи, поменял с 1919 года не менее пяти мест и в 1932 году оказался на Донской земле. В 1935 году я попал на излечение в Крым (Алупка) и пробыл там до 1937 года. Из этого лучшего в стране костно-туберкулезного санатория меня

удалили в связи с арестом отца, который попал в ежовско-сталинские застенки и пропал (реабилитирован посмертно в 1958 году). После ареста отца мы переехали в г. Орел к маминим родственникам, где нас и застала Отечественная война. Ярko остались в памяти два эпизода.

В 1941 году я был в пионерском лагере в селе Жуковка. Рядом находился военный аэродром, где часто проводились учения. За эти последние мы, дети, приняли и настоящее воздушное сражение с немецкой авиацией. Потом мы с трудом добрались на грузовиках до г. Орла. В том же году мы попали под страшную бомбежку, спрятались в саду, только чудом выбрались и остались живы.

Потом была стремительная эвакуация на Урал в эшелоне, слава Богу, не разбомбленном немецкой авиацией. Агрессоры лишили нашу, тогда большую и небедную, семью добротного жилья и небедного хозяйства. Потери, хорошо, что только экономические, были невозполнимы. Мне, тогда 9-летнему ребенку, инвалиду детства, больше всего было жаль потерянную прекрасную многотомную библиотеку, сказками из которой я зачитывался. Еще почему-то отпечаталось в памяти прекрасное академическое издание – «Божественная комедия» Данте.

В период 1941-1945 гг. мы с мамой и ее орловскими родственниками жили в г. Камышлове Свердловской области. Здесь после домашней подготовки в 1942 году я пошел сразу в третий класс. Насколько я помню, население небольшого уральского городка относилось к нам сносно. Хотя трудностей с жильем (7 человек в маленькой комнате, спали, в основном, на полу) и питанием (пришлось многое продать, в том числе и замечательные именные золотые часы – награда отцу за преданную службу от наркома тяжелой промышленности С. Орджоникидзе) было немало.

Вернулись мы в Орел в начале 1945 года через Москву, где впервые увидели салют, когда вопрос о нашей Победе практически был решен. Ночь с 8 на 9 мая 1945 года запомнилась массовым гулянием народа. Люди выбегали из домов, многие полуодетые, со счастливыми лицами, криками «Ура!», объятиями, поцелуями, песнями.

Осенью того же года мы с мамой переехали в Ростов к родной сестре папы. Высадка на вокзале, а дальше поездка до проспекта Ворошиловский по практически разрушенной улице Энгельса. Зияли пустоты, лежали кирпичи и обломки зданий в других районах Ростова. Помню, как здание часового завода восстанавливали пленные немцы.

Поразительный случай произошел со мной в 1989 году, когда я, находясь в Дортмунде в рамках сотрудничества с тамошним университетом, встретил одного из этих немцев. Он был портье в гостинице, где мы жили. Когда он узнал, что я из Ростова, сам подошел ко мне с не очень приятными воспоминаниями о черных днях гитлеровской

военной вакханалии. При этом тепло отзывался о большом гуманизме ростовского населения, которое само полуголодное, подкармливало бывших оккупантов.

Уже в 1945 году начала налаживаться мирная жизнь. Именно тогда я, как и многие мальчишки, «заболел» футболом после победной поездки московского «Динамо» на родину этой самой популярной игры – в Англию. Эту «болезнь» я сохранил на всю жизнь. В последующие 40-50-е годы наше поколение было увлечено просмотром трофейных фильмов, что сыграло немалую роль в моей пожизненной привязанности к искусству. Именно в те годы в «Клубе моряков» население Ростова – и млад, и стар - просмотрели сотни голливудских фильмов с участием выдающихся артистов мирового кино – Мадлен Дитрих, Вивьен Ли, Дины Дурбин, Жаннеты Магдональд и других. Им в настоящее время посвящены целые отечественные телепередачи, которые блестяще ведет В. Вульф. Через кино, радиопередачи и трофейные пластинки немецкой фирмы «Одеон» мы знакомимся с шедеврами джазовой музыки оркестров Глена Миллера, Бени Гудмана, Дюка Эллингтона и Луи Армстронга (сразу же после войны еще не велась борьба с космополитизмом). Те же средства массовой информации приучали послевоенное население к великим творениям оперной и оркестровой музыки (П.И. Чайковский, М.И. Глинка, Д. Пуччини, Леонковалло, Д. Верди, С. Лемешев, И. Козловский, Н. Обухова, Н. Шпиллер, Э. Карузо, Б. Джильди). С той же целью – уменьшения военного прессинга, но не исключения из памяти тяжелейшего для страны победно закончившегося пятилетнего периода, были в конце 40-х - начале 50-х открыты наши великолепные музеи русской и мировой живописи и архитектуры. В конце войны проводились выставки. В те годы, будучи школьником, если не путаю, посетил я в московском музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина выставку картин из Дрезденской галереи (очередь посетителей была квартальная). В 1978 году в Дрездене я снова смотрел те же картины, но уже в полупустых залах.

Война не изменила максимальную поддержку нашим правительством образования и науки. В годы послевоенной разрухи нашли средства для возведения величественного нового здания МГУ на Воробьевых горах (И.В. Сталин сам определил место и контролировал ход этого грандиозного строительства).

Несколько позже был построен Харьковский университет, созданы проекты развития Академической науки на Востоке страны – Урале (Свердловск), Сибири (Новосибирск), Дальнем Востоке. Только из-за нерадивости местного ростовского начальства мы не смогли в 50-е годы построить университетский комплекс в центре Ростова – там, где ныне областная Администрация и весь квартальный квадрат бывшего часового завода.

Высок был в те годы и сам уровень школьного и вузовского образования (один из лучших в мире). В сохранении его большую роль сыграли фронтовики. В частности, на химфаке РГУ многие годы успешно работали мои учителя – участники Великой отечественной войны – О.А. Осипов, И.Н. Беляев, П.И. Проценко, Ю.А. Жданов, Ф.Т. Пожарский, Д.С. Лесных, Н.П. Сигида, Л.Н. Аверьянова и другие. Их деятельность способствовала воспитанию четырех академиков РАН (В.И. Минкина, Н.Т. Кузнецова, Ю.Д. Третьякова, С.М. Алдошина), лауреатов Государственной и именных академических премий, многочисленных докторов химических наук, профессоров. Фронтовики учили нас не только быть преданными высшему образованию, но и активно участвовать в общественной работе. Яркими примерами для меня были такие сотрудники РГУ, как деканы химического факультета Дмитрий Сергеевич Лесных и Осип Александрович Осипов, секретарь парткома Евгений Николаевич Осколков и председатель профкома Игорь Александрович Андрианов, с которыми я проработал не один год. Несмотря на серьезную занятость общественной деятельностью, получил красный диплом. Поэтому мне приятно, что моя внучка Евгения, не только отлично учится на химфаке, но и активно трудится на благо самостоятельности РГУ. Трудно переоценить вклад наших участников войны и их воспитанников в создание одного из лучших в стране Ростовского химического комплекса (химфак – НИИ ФОХ РГУ), в стенах которого подготовлены тысячи высококвалифицированных специалистов, достигнуты выдающиеся результаты в развитии современной химии.

Владимир Исаакович Минкин (род. 4.03.1935):

Некоторое время тому назад А. Ф. Пожарский предложил мне написать о том, как прошли мои детские годы, пришедшиеся на время Отечественной войны. Я как-то не придавал значения этой идее. Однако, познакомившись недавно с интересными воспоминаниями самого Александра Федоровича, Н.К. Чуба, М.М. Евстифеева, М.С. Черновьянц, я оценил замысел коллег – ведь скоро уже только наше поколение останется живыми свидетелями того времени. В годы войны мы были еще детьми, и наши воспоминания основаны на детских впечатлениях, но и они отражают оттенки этой грозной эпохи.

Когда разразилась война, я находился в детском санатории в Евпатории. Ночью 22 июня все были разбужены взрывами - немцы бомбили Севастополь, и уже через день началась эвакуация детей. В Ростове, где жила наша семья с 1939 г, мой отец Исаак Иосифович, работавший начальником станции Ростов-товарная, был сразу призван в армию в качестве младшего политрука формируемой танковой части, а мама Полина

Александровна была занята моей грудной трехмесячной сестрой. На мое счастье наша соседка также выкармливала ровесницу и согласилась взять на себя заботы о сестре на время, когда мама бросилась искать меня в Крыму. К тому времени получить билет на пассажирские поезда в южном направлении было уже невозможно, и мама передвигалась в воинских эшелонах, упрашивая солдат, едущих на фронт, взять ее с собой. Можно только представить, какое столпотворение и неразбериха творились на вокзалах и железнодорожных путях, подвергавшихся к тому же интенсивной бомбардировке с воздуха. Но почти невозможно представить случившееся совпадение – в Днепропетровске поезда, - тот, который вез маму, и тот, к которому был прицеплен вагон с эвакуируемыми детьми, - оказались в одно и то же время на соседних путях, и мама меня увидела. Как узнали мы уже после войны, все дети из санатория были эвакуированы куда-то за Волгу, многих детей родители нашли уже после войны, а многие остались воспитанниками детских домов и уже никогда не увидели своих родителей.

Вскоре после возвращения в Ростов мы были эвакуированы вместе с другими семьями железнодорожников. Эвакуация шла поэтапно по мере продвижения германской армии вглубь нашей страны. В конце концов мы оказались в Киргизии в г. Фрунзе (ныне Бишкек), а до этого пережили бомбежки в Нальчике и, особенно страшную, в Минеральных Водах. Наш эшелон стоял рядом с эшелонами раненых, а вслед за ним находился эшелон со снарядами. Был ослепительный солнечный день. Я стоял у окна и читал мою первую самостоятельно прочитанную книгу «Сказки дядюшки Римуса». Внезапно появился немецкий самолет, по-видимому, разведчик «рама». Огромный железнодорожный узел со скопившимися в нем многочисленными составами не защищался с воздуха ни одной зениткой, ни одним истребителем. Рама покружилась и сбросила всего одну или две бомбы, но точно на эшелон со снарядами. Удар принял на себя загородивший нас эшелон с ранеными. Я помню, что вместе с сестрой был сброшен мамой на пол вагона, накрыт матрасами, а сверху и самой мамой, удерживавшей нас под матрасами. Большинство людей выбежало из вагонов и пыталось укрыться за стационарными сооружениями. С двумя маленькими детьми мама сделать этого не могла. Наш эшелон понемногу набрал ход, мы были спасены, не все оставшиеся на станции смогли позже присоединиться к эшелону, где остались их вещи.

Другое воспоминание об эвакуации может, при поверхностном взгляде, показаться даже комическим. Переезды и длительные стоянки в вагонах (подчас товарных) неизбежно сопровождалось разного рода антисанитарией и поэтому легко представить восторг женщин, когда на одной из станций, кажется, это было Эльхотово в Осетии, начальник поезда договорился о возможности воспользоваться местной баней.

Неожиданно мы столкнулись с проблемой, когда мама со мной и сестрой дождалась своей очереди на вход. Другие женщины возражали против того, чтобы пустить вместе с ними «мужчину», т.е. меня – шестилетнего мальчика. Но ведь они тоже были матерями и не могли не войти в положение. Компромисс был найден – я был допущен в женскую баню при условии, что на меня наденут трусики.

В Осетии меня ждал и роскошный подарок. Нас нашел и навестил отец, который к тому времени, как и другие кадровые железнодорожники, был отозван из действующей армии и переведен на работу по обеспечению передвижения войск и боеприпасов. Он появился со Смит-Вессоном на боку и подарил мне трофейный игрушечный парабеллум, стрелявший нанесенными на ленты пистонами. С ним я не только обеспечивал охрану нашего эшелона, но и ежедневно «уничтожал» воображаемые орды фашистов. Затем были переезд на пароме через Каспий, стоянка в безводном Красноводске на другом берегу моря, переезд в теплушках через пустынные туркменские степи и, наконец, город Фрунзе, где я пошел в школу в первый класс. В 1943 г отец, который за организацию работы транспорта по снабжению армии был награжден орденом Красной Звезды и медалями и переведен на работу в центральный аппарат министерства путей сообщения, забрал нас в Москву, где я проучился до 7-го класса. В самом городе мы почти не жили, т.к. дом в котором отец должен был получить квартиру, строился в послевоенное время очень долго. Нам была предоставлена ведомственная квартира в Болшево (теперь Королев) в 40 км от Москвы. В подмосковной школе, где я учился, собрался замечательный педагогический коллектив – «ненадежная» учительская интеллигенция, высланная в 30-е и военные годы из столицы. С теплотой и благодарностью вспоминаю многих из них – скромных, образованных людей душевно преданных своему благородному делу.

После войны отец занимал довольно высокий пост в МПС, но его всегда тянуло в Ростов, где у нас было в то время много родственников, и в 1948 г семья возвратилась в Ростов, где я закончил в 1952 г среднюю школу и в 1952 г поступил на химический факультет Ростовского университета.

*Володя Минкин с отцом и сестрой
(1945 г)*

Тамара Павловна Духнина (род. 24.11 1935)

Я родилась в Новосибирске, поэтому мои воспоминания вполне мирные. Но уже в апреле 1941 года моего отца мобилизовали в армию и около месяца он жил в военном городке СибВО, а затем был отправлен на границу в Закарпатье. В начале войны ему пришлось долго выходить из окружения, но уже осенью он воевал на северном направлении от Москвы.

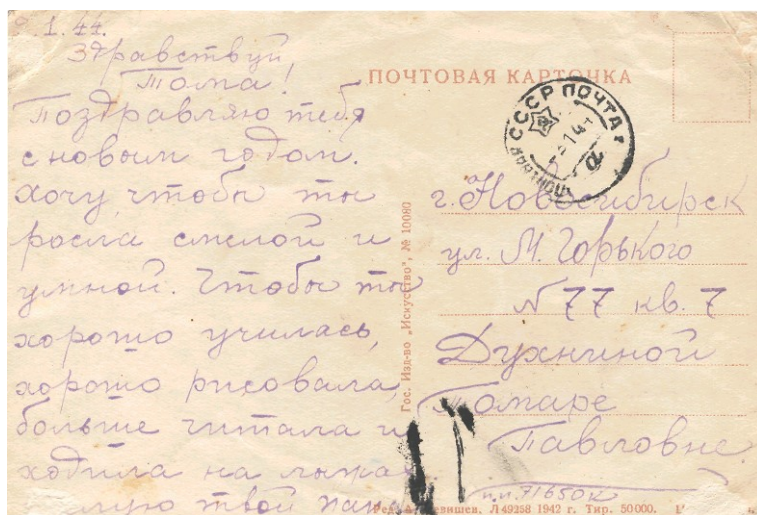
В 1941 году мне исполнилось 6 лет и начала войны я не помню. Помню только, что уже с конца лета у нас во дворе жили люди, приехавшие из Москвы, Сестрорецка, Киева. Появились нормы на хлеб, масло. Мама вспоминала, что до войны я сливочного масла не ела, а тут была готова есть ложками. Затем были карточки. Окна все со светомаскировкой, хотя вскоре мы по вечерам пользовались керосиновыми лампами, а отапливали печками-«буржуйками». Школа напротив дома стала госпиталем, из нее красноармейцы строем отправлялись на фронт. Песню «Война священная» я и сейчас слушаю со слезами.

Тамара Духнина с двоюродным братом (1941 г)

У нас была большая семья. Старший мужчина в семье был назначен в рабочий поселок под Бердском начальником полигона, где хранили горючее для самолетов. Рядом с полигоном была школа летчиков. Они летали прямо над нашими головами. Зимой 1942 года мама отправила меня туда, к бабушке и трем маминым сестрам. На этой территории сейчас Обское море. Вокруг лес. Все рабочие и наша семья жили в холодных, только что выстроенных бараках. Питались мороженой картошкой с кожурой, жиров, сахара не было. Однажды, летом 1942 года мы (дети) возле дома, почти над головой увидели резко снижающийся самолет. Мы видели летчиков в нем. Они сумели увести самолет от нашего поселка. Но за дорогой, где начинался лес, самолет упал и взорвался...

Осенью, с шести лет, я пошла в школу. Она находилась в соседнем поселке. В одной классной комнате сидели дети разных возрастов, разных «классов». Занятия со всеми вела учительница русского языка и литературы. Мама работала в школе в Новосибирске и вскоре забрала меня к себе, определила сразу во второй класс. В школе мы сидели по три человека за партой, а зимой вовсе не учились, т.к. лопались трубы отопления.

Открытка, присланная с фронта в 1942 г

Мама вспоминает, что однажды она принесла домой одну селедку на детскую карточку (месячная норма) и пошла за хлебом. А я съела всю рыбку за это время, она пришла и заплакала (мне *теперь* стыдно, но я даже не помню этот случай). В осень маме приходилось ходить на общественные работы: копать картошку, даже на лесоповал. Я оставалась у родственников в семье брата отца по месяцу. Зато какие утренники на Новый год устраивали актеры Ленинградских театров: в разных комнатах клуба актеры развлекали детей, вовлекая их в самодеятельность – стихи, танцы, песни – награждали призами. Мне в качестве приза подарили маленький (~ на 70 мл) весело раскрашенный масляной краской чайничек, похожий на те, что на вокзалах использовали пассажиры для кипятка. Такого я больше никогда не видела.

В 1942-1943 гг в Новосибирске в ТЮЗе работали ленинградские актеры, в том числе и знаменитый (помните Паганеля в «Детях капитана Гранта» ?) Николай Черкасов. Он играл в детской пьесе «Король-паук». Все ждали победы мальчика Вани над Пауком-свастикой, пели песню «дай бог всем добрым людям жить так, как мы живем». На вечерних спектаклях было правилом прерывать спектакли и сообщать о победах наших воинов

В последние годы войны праздники отмечали иллюминацией Дома Красной Армии, фейерверками. По радио в Новогодний вечер юмористы Брунов, Шуров, Рыкунин пели куплеты: «Киска по кругу ходила, киска глазом поводила (в стане врагов) – «Führer, она горячее лакает!» - не вышло у врага захватить нашу нефть!

9 мая 1945 года мама разбудила меня в 3 часа утра (7 часов по московскому времени), пошли на телеграф поздравить наших родственников с Днем Победы. А там весь Новосибирск – ликование, салют!

Летом 1945 года пошли через наш город эшелоны на Восток. Нам казалось, что кто-то из наших родных, близких сойдет с поезда, приехав домой. Но ни один эшелон не останавливался, только замедляли ход. Мы давали солдатам цветы, благодарили за Победу, а они ехали на продолжение войны, теперь с Японией. Мне было 9 лет.

Когда в конце лета пришел домой мой отец, он сказал маме, что после Сталинграда удивляется, что по улицам еще ходят мужчины.

В 1949 году, когда я была в 7 классе, мы поехали в Ростов-на-Дону через Москву. За пределами столицы мы попали в мир Войны – голые печные трубы, всюду следы пожарищ.

Ростов восстанавливался. Следы пуль в стенах зданий, особенно тех, что обращены к Дону. В юности я ходила мимо домов с этими следами на Морской (Темерницкой), Книжной (Серафимовича). Сейчас многие из них снесли полностью, но возле переулка Островского по ул. Станиславского эти дома-«ветераны» еще стоят.

Позже всех был восстановлен дом на Московской - Газетном, напротив «Делового двора» (гостиница, ресторан) примерно в 1955 году. До этого остов здания был съемочной площадкой Мосфильма (кажется «На семи ветрах» снимали).

В 1985 году я была у родных в Новосибирске. Наш 90-летний патриарх (мой дядя) сказал: «Ведь мы всех членов семьи в тылу сохранили во время войны, даже болезненную тетю». Я об этом не подумала. А ведь это благодаря его заботе: что-то, но ели всегда. Большая семья, все много работали.

*Фотография, снятая 9 мая 1945 года
(Тамара Духнина - первая слева)*

Стелла Михайловна Артамонова (род.1.01.1936):

Среди предвоенных фотографий нашей семьи я выделила две. Одна сделана в праздничные майские дни 1941 года, вторая – 8 июня на отдыхе в Змеевской роще – ровно за две недели до начала войны. Кто тогда мог предположить, что эти живописные окрестности Ростова станут местом гибели тысяч людей...

*Стелла Артамонова с родителями
(1941 г)*

*Пикник с участием
Стеллы (стоит в
центре под деревом) и ее
родителей накануне
войны*

Папа ушел на фронт добровольцем в первые дни войны. Он взял с собой нашу последнюю общую фотографию и пронес ее через все испытания, которые выпали на его долю. Инженер по профессии, он был разносторонним по увлечениям человеком. На попечение маме оставил рыбок, канареек, только что вылупившихся кенарят. Мама и бабушка работали, я ходила в детский сад. Жизнь очень осложнилась, и мама, к великому моему огорчению, с трудом избавилась от этого «зоопарка», раздарив всю живность папиным знакомым. Зато когда в 1945 году после всех перипетий мы вернулись в Ростов в полуразрушенную квартиру, в которой спали во время дождей под плащ-палаткой, т.к. текла крыша, папе один из его приятелей то ли вернул, то ли подарил поющего кенаря. Каждое утро он будил нас своим залившимся жизнерадостным пением. Вскоре появились

и рыбки, и кошка, которая вполне мирно уживалась и с ними, и с птичкой. Это были атрибуты мирной жизни, которая возрождалась после ужасов войны. Самым большим счастьем было то, что папа и мамин брат Яша, мой большой друг, с которыми у нас долгое время не было связи, остались живы. И мы – бабушка, мама и я, пережившие две эвакуации в Среднюю Азию, в Ташкент, переплывавшие Каспий и в дикую жару, и в жестокий шторм, попадавшие под бомбежки, познавшие голод, холод, не раз терявшие друг друга – тоже выжили.

Прошло более шестидесяти лет, но память сохранила много подробностей того нелегкого времени. Об этом можно много и долго рассказывать. Детская память оказалась долговременной и прочной.

Мне хочется отметить, что нас, детей, старались оберегать от всех бед взрослые люди. И не только близкие и родные. Это ощущалось повсеместно. В детском саду в Ташкенте пытались поить ненавистным рыбьим жиром. В школе каждый день давали кусочек хлеба с повидлом или с сахаром. И вообще в отношениях между людьми было гораздо больше внимания, тепла и сочувствия друг к другу, чем сейчас. Радость и горе становились общими.

В настоящее время дико слышать резонерствования некоторых «умников» о том, что лучше было бы нам, если бы Гитлер выиграл войну. Наш народ ценой немислимых усилий победил в этой войне. А народ – это конкретные люди, которые сами решали, что для них лучше.

Начала я учиться в Ташкенте, закончила там два класса. Вернувшись в Ростов, продолжала обучение в средней школе № 33. После окончания ее в 1953 г. поступила на химфак РГУ. Нас, первокурсников, встретил и опекал целый год декан Беляев Игнатий Никитович, участник войны. На втором курсе мы учились у Федора Кузьмича Баева и Константина Николаевича Багдасарова, которые тоже воевали

Петр Иванович Проценко, Дмитрий Сергеевич Лесных, Нина Павловна Сигида, Нина Петровна Поповская, Лидия Николаевна Венеровская, Федор Тихонович Пожарский, Михаил Сергеевич Остриков, Николай Николаевич Феодосьев, Петр Никитович Коваленко...

Все они нас не только учили, они способствовали становлению нашего мировоззрения и нравственности.

Вечная им память, неиссякаемая наша любовь и благодарность!

Елена Алексеевна Медянцева (род. 3.04.1938):

Я родилась в городе Краснодаре в апреле 1938 года, и в 1941 году мне было всего 3 года. Поэтому начала войны я не помню. Мы жили в центре города и вся моя детская жизнь протекала в большом дворе, который образовали несколько небольших домиков. Здесь играли в «дочки-матери», «казаков-разбойников», устраивали детские посиделки со страшными рассказами.

Мой отец – Толкачев Алексей Павлович – ушел на фронт в июне 1941 и в начале 1942 года вернулся домой после тяжелого ранения в безнадежном состоянии. Болезнь отца – это первое страшное детское впечатление от войны.

Осень 1942 года. Наши войска отступают на юг, и немцы приближаются к Краснодару, начинаются бомбежки. Во дворе вырыт окоп, в который во время бомбежек прячутся все женщины и дети нашего двора. Несмотря на позднее время все столпились во дворе и неотрывно смотрят в небо. Я на руках у мамы. Мне тоже интересно смотреть, как все небо прочерчивают всполохи прожекторов. Вдруг они засекли маленькую точку в черном ночном небе, и заработали зенитки. Самолет охвачен пламенем и начинает медленно падать. Мне страшно от темноты ночи, грохота зениток. Женщины плачут и тихо молятся. Немцы на подступах к городу.

Мне 4,5 года. Я стою у ворот дома. Мимо проносятся всадники с криком «немцы в городе», бегут плачущие люди, ветер несет обрывки газет. Мама тащит меня в дом. Отец уже не встает с постели, его нельзя везти, поэтому мы вынуждены остаться в оккупированном городе. Он лежит в маленькой комнате, дверь которой тщательно замаскирована шкафом. В дом иногда заходят немцы. Мама качает меня на руках – «ребенок болеет». Немцы уходят, потому что боятся «заразы».

Прибежала с базара испуганная мама, плачет. На площади повешенные с надписью «партизан».

Зима 1942-1943 г.г. выдалась суровой и снежной. Детей старались не выпускать на улицу. Там, где жили немецкие офицеры, на окнах появились маленькие разукрашенные елочки, - подарки из Германии к Рождеству. Приближался новый 1943 год.

В январе 1943 года наши войска перешли в наступление. Немцы ушли, оставив разграбленный город без света, воды, транспорта. Горожанам пришлось налаживать жизнь заново в условиях военного времени.

Я помню, как во дворе из битого кирпича и глины сложили печку, на которой можно было греть воду и готовить еду. Выручала кукуруза. На самодельной ручной мельнице, сделанной из мясорубки, ее превращали в крупу и муку. Из муки без жира и

сахара пекли необыкновенно вкусные пышки. Иногда их ели с нардеком – это арбузный мед.

Очень не хватало книг, особенно детских. Они погибли в печках зимой во время оккупации. Помню, как мы, детвора, на одной из развалин нашли обгорелый томик Дюма. Это был «Граф Монте-Кристо». Мы читали его, передавая друг другу по листику.

Май 1945 г. пришел закономерно и неожиданно. Победа, весна, всеобщая радость, счастливые и заплаканные лица. Осенью умер отец. Я пошла в первый класс.

Евгений Борисович Цупак (род. 4.05.1938):

К началу войны мне исполнилось три года, поэтому мои воспоминания о войне весьма отрывочны. Отец работал на Автосборочном заводе (ныне Роствертол), мама не работала. Осенью 1941 года, перед первой оккупацией Ростова предприятия эвакуировали в более удаленные от фронта города и нас повезли в Закавказье. Ехали мы в товарных вагонах, приспособленных, правда, для перевозки людей и очень плотно заполненных. В дороге наш поезд подвергался бомбардировкам и, взяв меня, мама, как и все наши попутчики, уходила подальше от вагонов, которые были целью немецких бомбардировщиков. Когда самолеты улетали, мы возвращались, и поезд продолжал движение. Возвращались не все - многих настигали бомбовые осколки и они погибали. Сначала нас привезли в Тбилиси, там поезд простоял несколько дней в каком-то тупике, но нас не высаживали, сказали, что скоро уедем. Мы переехали в Баку, где нам дали жилье в квартирах местных жителей, которые относились к нам с большим сочувствием и гостеприимством. В Баку расположился и завод, поэтому отец был с нами. Но недолго. Примерно через полгода завод вновь демонтировали и перевезли в Москву. С заводом поехали лишь работавшие на нем, и нам пришлось летом 1942 года вернуться в Ростов.

В июне 1942 года Ростов вновь был оккупирован немцами, на этот раз на целых восемь месяцев. Во дворе нашего дома появился немецкий грузовик, солдаты, шоферы. Наше жилье им не приглянулось, они квартировали в другом доме нашего двора. О периоде жизни в оккупированном городе у меня остались воспоминания не только с большим знаком «минус». Запомнился, например, вкус шоколада, который мне дал немецкий солдат, запомнился и плавленый сыр в алюминиевом тубике, из которого он выдавливался аппетитной колбаской. В тоже время запомнилось и постоянное чувство голода. С другой стороны были откровенные зверства: взрослые шепотом рассказывали о расстрелах ростовчан в разных местах города: в Змиевской балке, в Нахичеване. Молодых парней и девушек увозили на работы в Германию. Моя тетьа попала под этот «трудовой призыв» и до конца войны работала как рабыня на ферме в Дортмунде. Потом вернулась и

рассказывала, что их действительно заставляли помногу работать, но относились по-человечески, насколько в тех обстоятельствах это можно представить.

День Победы начался солнечным светлым утром 9-го мая. Первые слова, которые сказала мама, были «Война окончилась!». Но не окончились голод, лишения, а позднее с наступлением осени, зимы – холод, т.к. топить печку было нечем. Но город жил и оправлялся от разрушений. Откуда только силы брались, но все жители участвовали в восстановлении Ростова: он ведь был очень сильно разрушен, особенно центр и район вокзала. Например, на пересечении проспекта Буденовского и улицы Энгельса два здания не стали восстанавливать и на их месте теперь разбиты скверики. Начали работать заводы, школы. В 1945 году я поступил в первый класс. Школа помещалась в двух полуразрушенных одноэтажных зданиях в Широком (теперь Гвардейском) переулке. В классах зимой был лютый холод: чернила замерзали в чернильницах. Обучение было платным и если бы мама не пошла работать на Автосборочный завод, то не видать бы мне той начальной школы. Постепенно жизнь налаживалась, город избавлялся от разрушенных зданий, начали ходить трамваи, троллейбусы. Остались в памяти развалины дома на углу переулка Газетного и Улицы Московской, который почему-то долго не восстанавливали. В этих развалинах снимался эпизод фильма «На семи ветрах». Теперь там помещается Отдел народного образования Кировского района.

Семья наша во время войны сохранилась: отец и его отец (мой дедушка) работали на военном заводе и на фронт не попали. Война, несомненно, была большим несчастьем, но любовь людей к жизни оказалась сильнее этого катаклизма и позволила не только победить фашизм, но и наладить жизнь после Победы.

*Письмо с фронта от дяди Е.Б. Цуака
(17 февраля 1943 года)*

Маргарита Сергеевна Черновьянц (род. 28.08.1938):

У меня недавно спросили, что значит для меня война? 1941 год. Поезд увозит от наступающих на Смоленск немцев двух женщин-сестер с пятью детьми и престарелой матерью. Наше бегство, поспешное и налегке, самое начало войны и нас уверяли, что эвакуация на 2-3 недели. Полный мрак по вечерам, мы лежим в купе вагона под нижними полками. Рев немецких истребителей, встречный поезд горит. Брату нет двух лет, у него от страха истерика, и мама садится с ним к окну и рассказывает сказку про волшебные огоньки. Странно, но мы живы. На станциях нас кормят, кашу берем в бумажный кулек. Нет ни теплой одежды, ни посуды. Оренбург, очень хочется пить, мне плохо – брюшной тиф. Не заболели только мама и бабушка. Двоюродный брат 10 месяцев умирает в больнице. Тетя сшила из цветных лоскутков и принесла мне в больницу куколку – самый дорогой подарок. Я выздоравливаю.

В 1944 году происходит чудо: приезжают одновременно в отпуск с фронта папа и муж тети (они встретились на фронте в 1943 году). Какое счастье!

*Отец Маргариты Сергеевны
Черновьянц в побежденном
Берлине у стен Рейхстага в
мае 1945 года
(на фото слева и внизу)*

В начале 1945 года папа присылает за нами двух ординарцев и мы переезжаем в Гродно. Бесконечные колонны пленных немцев бредущих на запад. Дальше май, Попбеда, мы в Москве, праздничный салют! Так заканчивается для меня война. Папа закончил войну в Берлине, в звании полковника и кавалера 14 орденов и медалей, в том числе высшего ордена Польши – Креста Грюнвальде. Мама и тетя проработали до 1945 года инженерами-химиками на оборонном нефтеперегонном заводе. В нашей семье погибли двое: дядя – комдив, генерал Советской Армии и двоюродный брат, совсем молодой капитан зенитных войск. Вечная им память!

Александр Федорович Пожарский (род. 8.12.1938):

Вначале несколько слов о моих родителях. Оба они незадолго до начала войны закончили с отличием наш университет: мать, Ирина Константиновна (род 7.5.1917), биофак, отец, Пожарский Федор Тихонович (род. 21.2.1914) - химфак. До этого отец работал слесарем на паровозоремонтном заводе им. Ленина, что за Ростовским главным вокзалом, и отслужил три года в армии, о чем часто вспоминал с юмором и теплотой. В 1939 году он участвовал в финской кампании в качестве командира минометного взвода, был ранен, долго лечился. Получил медаль «За боевые заслуги». С этой медалью он и предстает на семейной фотографии 1940 г, которая приведена здесь. В 1948 г отец поступил в аспирантуру при кафедре органической химии, защитил кандидатскую диссертацию под рук. проф. Д.Е.Дионисьева и с 1952 по 1974 год преподавал на нашей кафедре. Был очень любим студентами.

Когда началась Великая Отечественная Война, отец преподавал в Ростовской спецшколе ВВС (сейчас в этом здании на Гвардейской площади размещается Дом учителя), был командиром роты и имел бронь от посылки на фронт. С началом военных действий, быстро приблизившихся к нашим краям, школа ВВС с семьями сотрудников эвакуировалась на Северный Кавказ. Я с матерью и бабушкой оказался в Кисловодске на частной квартире. Отец вместе с преподавателями и курсантами школы оборонял перевалы Кавказских гор. В прямые военные действия они так и не вступили, но были награждены медалями “За оборону Кавказа”.

Помню, как бегу, держась за руку матери, по крутой Кисловодской улочке в страхе от показавшихся в небе самолетов. Видимо это было до занятия немцами Кисловодска. Другая сцена уже в оккупированном городе: немецкие офицеры, смеясь, из окна столовой бросают играющим в парке детям, среди которых и я, папиросы. Самый драматический эпизод эвакуации связан с составленным немцами списком жителей, подлежащих вывозу в Германию. В него попали и мы. Уже был назначен день нашего отбытия, но мама с

бабушкой быстро и смело сменили место жительства, не дав судьбе пойти совсем в другом направлении. А вскоре, в феврале 1943 г, немцы без боев оставили город. Как-то утром, придя с базара, об этом объявила бабушка. В тот же день нас разыскал отец, с радостью обнаружив, что мы живы и невредимы.

*Саша Пожарский с родителями
(1941 г)*

После освобождения Кисловодска школа ВВС перебазировалась в более безопасный Ереван, где мы пробыли до августа 1944 года. Жили в школьном общежитии. Рядом пролегало уходящее в горы шоссе, по которому днем и ночью шли американские грузовики, знаменитые “Студебекеры” - помощь нашей стране. Родители в Ереване работали, бабушка учительствовала. Я же с местными детишками целыми днями играл во дворе и научился говорить по армянски. Однако, вернувшись в Ростов, уже через пару лет не мог вспомнить ни одного армянского слова. Запомнились горы большой и малый Арарат, с их белоснежными вершинами, стаи стрижей носившихся во дворе дома. Однажды я камнем подбил крыло стрижу и принес раненную птицу домой. На следующее утро мы с бабушкой посадили стрижа на подоконник и он тут же улетел. Еще одно острое воспоминание - землетрясение. По команде отца мы все встали в проемах дверей, на подоконники. К счастью, все обошлось испугом. Жизнь в Ереване не была безоблачной. Была нужда, а однажды вечером нашу квартиру обстреляли. Пули пробили стекла в окне. Мы сразу потушили свет, и какое-то время пролежали на полу.

В августе 1944 г был дан приказ возвращаться в родной город. Поезд шел кружным путем вдоль границы с Ираном и далее через Баку. Прибыли мы на станцию “Ростов-Гора” (ныне это “Комсомольская площадь”; между прочим, термин «Ростов-гора» в те годы надо было указывать в почтовом адресе), что было в пяти минутах ходьбы от нашего дома. Наша двухкомнатная коммунальная квартира оказалась занятой соседями, и не без труда ее удалось освободить.

Выяснилось, что многочисленные родственники отца, жившие в Ленгородке, в основном пережили оккупацию (немцы находились в Ростове с осени 1941 г по 14 февраля 1943 г). Умер лишь мой дед (по отцу), немного недотянув до освобождения

города. Таким образом, для нашей семьи война закончилась относительно благополучно. Этого нельзя было сказать о соседях. Примерно в каждой четвертой семье ее глава и кормилец погиб на фронте и многие мои сверстники росли без отца. Дома у нас был черный круглый репродуктор и по вечерам мы слушали Сводки Советского Информбюро о военных действиях. Все они в 1944 - 1945 гг были победоносными и кончались приказом Главнокомандующего о Салютах в честь взятия того или иного города. Хорошо запомнилось утро 9 мая, когда, играя во дворе, я узнал от сверстников об окончании войны. А вечером мама повела меня на Ростов-гору смотреть праздничный салют.

После войны в городе было много пленных немцев, их водили под конвоем на работу. Жили они в подвалах разрушенных зданий, например, в полностью разрушенном Педиатрическом институте, что на ул. Мечникова. Когда мы, мальчишки, пробегали по развалинам, голодные немцы тянули руки в надежде выпросить что-нибудь съестное. Ребята приносили, кто что мог и в награду получали всякие ручные поделки: рогатки, свистки и пр. В 1946 году я пошел в школу (ныне школа 52 на Мечникова), которая открылась с опозданием дней на десять. Окна класса еще не были застеклены и прямо во время урока их стеклили пленные немецкие солдаты. Заканчиваю свои краткие воспоминания фотографией 1946 года, где я, первоклассник, изображен в перешитом дедушкином кителе.

Саша Пожарский – первоклассник (1946 г)

Составители: А.Ф. Пожарский и Н.Г. Трегуб